

тем, что он знает, сколь много найдено будет его пронырства. Того ради начал он отводить указ ея величества из Правительствующего Сената, якобы он до академического регламента не надлежал, чему я противился. Спор и шум воспоследовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. *Виноватой оправлен, правой обвинен.*³⁰ Коварнин³¹ надеется, что он и со мной так поступит, как с другими прежде... Президент наш добрый человек, только вверился в Коварнина. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова». Далее Ломоносов просил у Шувалова заступничества перед императрицей и избавления «от Теплова ига».³² Через 2 дня 12 марта Ломоносов написал новое письмо Шувалову, в котором дал некоторые дополнительные разъяснения о своем столкновении с Тепловым.³³ Эти письма возымели свое действие. Благодаря заступничеству И. И. Шувалова перед Елизаветой, президент вынужден был отменить свое решение. 29 марта 1755 года он подписал ордер в Канцелярию Академии наук, в котором распорядился свой прежний ордер о Ломоносове, не оставляя с него копии, возвратит ему обратно в оригинале, а Ломоносову объявить, «чтоб в собраниях Академических ему по-прежнему присутствовать и, как возможно б, стараться ему изготовить к будущей ассамблее, т. е. к наступающему апреля 26 числу, „Слово похвальное государю императору Петру Великому“, которое де им обещано давно сочинить».³⁴ Рассказывая впоследствии в своей «Краткой истории

«Однако надежды еще не видно к исправлению Академии: *вкоренившийся злодей* все еще по своим мыслям в ней обращается. К нему все ходят для спросу; от него все зависит. И недовольно, что толико зла в Академии сделал, но еще новым злом второе закрыть тщится, явно противясь высочайшему повелению ея величества и правительствующего сената о исправлении законов, понося и обижая тех явно и нагло, которые свято почитают оное всемилостивейшее и высокомонаршее повеление ея величества о исправлении законов. В таковой своей *бесстыдной продерзости*, когда он не обинулся на меня учинить нападение, ведая, что я больше, нежели другие профессора, могу сыскать покровительства, то чего не может он предпринять на других профессорах, которые пред ним трепещут и ничего не смеют молвить, ведая его силу и злое сердце?» (П. П. Пекарский, т. II, стр. 924. Курсив наш, — Л. М.).

³⁰ Курсив наш, — Л. М.

³¹ В рукописи Л. Б. Модзалевского — «коварнин». Так читал ломоносовский текст П. С. Билярский. Правильнее — «коварник» (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 520, 521). — Прим. Ред.

³² П. С. Билярский, стр. 288—289.

³³ Там же, стр. 289—291.

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 98 (протокол Канцелярии Академии наук о том же ордере президента см. там же, № 524); там же, № 197, лл. 36—540 (в деле об уничтожении определения о господине советнике и профессоре Ломоносове); В. Н. Ламанский, стр. 102; П. С. Билярский, стр. 293.